

minibo**OK**

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЗНАТНОГО ХОЛОСТЯКА

Москва
2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д62

Оформление серии А. Старикова

В оформлении обложки использована иллюстрация художника Frank Wiles из журнала The Strand Magazine, сентябрь 1914 г.; репродукция картины художника George Goodwin Kilburne (1839—1924)

Иллюстрации на обложке:
Yaayayoyo, vitasunny / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Дойл, Артур Конан.

Д62

Приключение знатного холостяка / Артур Конан Дойл ; [пер. с англ. И. Г. Гуровой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 96 с. — (Minibook).

ISBN 978-5-699-92535-3

Истории о загадочных преступлениях, раскрыть которые способен только гениальный сыщик Шерлок Холмс. Дела всё запутаннее и опаснее, к чему же приведут расследования? В книге — рассказы А. Конан Дойла из разных сборников.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-92535-3

© Гурова И.Г., перевод. Наследники, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ПРИКЛЮЧЕНИЕ С ЛЬВИНОЙ ГРИВОЙ

Как ни удивительно, но проблема, бесспорно, по загадочности и необычности не уступающая самым сложным, с какими мне довелось столкнуться на протяжении моей долгой профессиональной карьеры, не только представилась мне после моего ухода на покой, но и, так сказать, оказалась у самого моего порога. Произошло это после того, как я затворился в моем сассекском домике и всецело отдался той умиротворяющей жизни на лоне Природы, о которой я так часто жаждал думать в долгие годы, проведенные в мрачном сумраке Лондона. В этот период моей жизни добрый Ватсон почти исчез из нее. Изредка он приезжал на субботу-воскресенье, но больше мы не виделись. И потому мне приходилось самому быть своим летописцем. А! Будь он со мной, как он живописал бы столь примечательный случай и мое победное преодоление всех трудностей! Ничего не поделаешь, придется мне самому рассказать эту историю в моей безыскусной манере, собственными словами описывая каждый мой шаг на трудном пути разгадки тайны Львиной Гривы.

Моя вилла расположена на южном склоне Даунсов, откуда открывается великолепный вид на Ла-Манш. Берег в этих местах состоит из меловых обрывов, и спуститься к воде можно по единственной петляющей тропе, крутой и скользкой. Даже в час полного прилива она приводит к сотням ярдов мелких камней и гальки. Там и сям, однако, виднеются озера и заводи, словно созданные для пловцов, и вода в них меняется с каждым приливом. Этот чудесный пляж простирается на несколько миль и вправо и влево, и лишь в одном

месте его разделяет маленькая бухта с деревушкой Фулуорт над ней.

Мой дом стоит в стороне. Я, моя старая экономка и мои пчелы имеем все вокруг в нашем полном распоряжении. Однако в полумиле находится пользующееся широкой известностью училище Гарольда Стэкхерста «Фронтон», внушительное заведение, в котором около двадцати юношей проходят подготовку к занятию разными профессиями под руководством нескольких учителей. Сам Стэкхерст в свои университетские годы отличался в гребле и был разносторонним эрудитом. Мы с ним сошлись, едва я поселился там, и причем так близко, что без приглашения заходили друг к другу скоротать вечерок.

К концу июля 1907 года разразился свирепый шторм. Ветер с Ла-Манша гнал валы к подножью обрывов, и с начала отлива там образовалась большая лагуна. Утром, о котором идет речь, ветер стих, и вся омытая Природа дышала свежестью. Работать в такую восхитительную погоду было невозможно, и перед завтраком я вышел подышать пьянящим воздухом. Я направился по тропе к крутому спуску на пляж. Внезапно меня окликнули сзади, и, обернувшись, я увидел Гарольда Стэкхерста, который весело махал мне рукой.

— Какое утро, мистер Холмс! Я так и знал, что вы пойдете погулять.

— Как вижу, вы собираетесь поплавать.

— Взялись за свои старые штучки, — засмеялся он, хлопывая туго набитый карман. — Да. Макферсон вышел пораньше, и, думаю, найду его там.

Фицрой Макферсон преподавал естественные науки, достойнейший молодой человек, чья жизнь была погублена сердечной слабостью, следствием ревматической лихорадки. Однако он был прирожденным атлетом и отличался во всех играх, которые не требовали слишком напряженных усилий. Летом и зимой он спускался поплавать, и я, сам любитель плавания, часто присоединялся к нему.

В эту минуту мы увидели самого Макферсона. Его голова возникла над краем обрыва у начала тропы. Затем вся его

фигура. Он пошатнулся, будто пьяный. В следующую секунду он вскинул руки и с жутким воплем упал ничком. Мы с Стэкхерстом бросились к нему — до него было ярдов пятьдесят — и перевернули его на спину. Было ясно, что он умирает. Остекленелые провалившиеся глаза, свинцовое лицо неумолимо свидетельствовали об этом. На мгновение проблеск жизни осветил его лицо, и он пробормотал два-три слова, видимо, предостережения. Невнятные, еле слышные, но мне почудилось, что последние, сорвавшиеся с его губ, были «львиная грива». Абсолютно неуместные и неудобопонятные, но никак иначе я не мог их истолковать. Затем он приподнялся, взмахнул руками и рухнул на бок. Он был мертв.

Мой спутник был парализован внезапно и ужасом случившегося, но я, как легко себе представить, весь насто-рожился. И не напрасно. Сразу же стало ясно, что мы столкнулись с чем-то экстраординарным. На нем были только габардиновый плащ, брюки и не зашнурованные парусиновые башмаки. Когда он упал, плащ, просто сброшенный на плечи, соскользнул, обнажив его торс. Мы в ошеломлении устались на его спину, всю в узких багровых полосках, будто его страшным образом высекли бичом из тонкой проволоки. Бич, которым производилась эта порка, был несомненно очень гибким, так как опухшие рубцы загибались на плечи и грудную клетку. По его подбородку ползли капли крови — в мучительной агонии он прокусил нижнюю губу. Искаженное лицо и запавшие щеки свидетельствовали, какой неимоверной была эта агония.

Я опустился на колени возле трупа, а Стэкхерст стоял рядом, когда на нас упала тень, и мы увидели, что к нам подошел Йен Мэрдок, преподаватель математики в училище, высокий худой брюнет, настолько молчаливый и замкнутый, что, казалось, у него вообще не было друзей. Он словно обитал в некоей возвышенной сфере иррациональных чисел и конических сечений, почти не соприкасаясь с обычной жизнью. Ученики считали его ненормальным, и он стал бы мишенью насмешек, однако в его жилах явно чувствовалась примесь какой-то экзотической южной крови, о чем свиде-

тельствовали не только угольно-черные глаза и смуглость, но и вспышки раздражения, которые нельзя было иначе назвать, кроме как бешеными. Как-то раз, когда ему докучала собачка Макферсона, он схватил ее и швырнул в зеркальное стекло окна, за что Стэкхерст, несомненно, уволил бы его, не будь он столь ценим как преподаватель. Вот каким был странный эксцентричный человек, который теперь подошел к нам. Он словно был искренне ошеломлен открывшимся ему зрелищем, хотя история с собачкой могла указывать, что между ним и умершим особой симпатии не существовало.

— Бедняга! Бедняга! Что я могу сделать? Как помочь?

— Вы были с ним? И знаете, что произошло?

— Нет-нет. Сегодня утром я припозднился и вообще на пляж не спускался. Я пришел прямо из «Фронтон». Чем я могу помочь?

— Вы можете поспешить в полицейский участок в Фулуорте, чтобы незамедлительно сообщить о случившемся.

Не говоря ни слова, он побежал со всей быстротой, на какую был способен, я же взялся за дело, а Стэкхерст, все еще в глубоком ошеломлении, оставался возле покойника. Для начала, разумеется, мне необходимо было выяснить, кто еще находился на пляже. Сверху, у начала тропы, он был виден весь абсолютно безлюдный, только вдали две-три темные фигуры, направлявшиеся в сторону деревни Фулуорт.

Покончив с этим к своему удовлетворению, я медленно пошел вниз по тропе. К мелу примешивалась мягкая глина, и кое-где я видел отпечатки одних и тех же следов как поднимающихся, так и спускающихся. В это утро по тропе больше никто на пляж не спускался. В одном месте я обнаружил отпечаток ладони с пальцами, обращенными вниз. Это могло означать лишь одно: бедняга Макферсон, взбираясь, упал. А круглые углубления свидетельствовали, что он не раз падал на колени. У подножья тропы отлив оставил обширную лагуну. На ее краю Макферсон разделся, поскольку на камне лежало его полотенце, сложенное и сухое. То есть создавалось впечатление, что в воду он все-таки не входил. Раза два, осматривая пляж вокруг, я наткнулся среди голышей на пес-

чаные прогалинки с отпечатками как подошвы его парусинового башмака, так и его босой ноги. Последнее свидетельствовало, что он совсем приготовился окунуться, но полотенце указывало, что в воду он так и не вошел.

Теперь проблема определилась четко — не уступающая в странности ни единой из всех, с какими мне приходилось сталкиваться. Макферсон пробыл на пляже никак не долее четверти часа. Стэкхерст вышел из «Фронтон» следом за ним, так что тут сомнений никаких быть не могло. Он намеревался искупаться и разделся, как свидетельствуют отпечатки босых ног. Затем внезапно он вновь натянул свою одежду, причем кое-как, не застегивая, — и вернулся наверх, не искупавшись или, во всяком случае, не вытираясь. Причиной же перемены его намерения стало то, что его бичевали свирепым, бесчеловечным образом, пытали так, что в агонии он прокусил себе губу, а затем бросили, когда силы у него хватило, чтобы добраться до верха и там умереть. Кто совершил это варварское преступление? Правда, в подножье обрывов имелись ниши и пещерки, но восходящее солнце светило прямо в них, и укрыться там было нельзя. Фигуры на пляже в отдалении? Казалось, они находились слишком далеко, чтобы иметь касательство к преступлению. А широкая лагуна, в которой намеревался искупаться Макферсон, находилась между ним и ими, накатывая волны на подножье обрыва. В море неподалеку маячили два-три рыбацких баркаса. Этих рыбаков, видимо, придется допросить попозже. Направлений для расследования было несколько, но ни одно не вело к сколько-нибудь определенной цели.

Когда я наконец вернулся к телу, вокруг уже собралось несколько случайных прохожих. Стэкхерст, разумеется, по-прежнему оставался там, и как раз подошел Йен Мэрдок с Андерсоном, деревенским констеблем, дюжим, с огненно-рыжими усами, принадлежащим к тому типу медлительных солидных сассексцев, чья тяжеловесная молчаливость прячет немалую толику здравого смысла. Он внимательно выслушал все, что мы рассказали, делая заметки, и наконец отвел меня в сторону.

— Я буду рад вашему совету, мистер Холмс. Мне такое дело не очень по плечу, а начальство в Льюисе меня не помилует, если я напутаю.

Я порекомендовал ему тут же послать за его непосредственным начальником и доктором, а также обеспечить, чтобы до их приезда тут ничего не трогали и как меньше новых следов оставлялось бы на пляже. Тем временем я обыскал карманы покойника, обнаружив носовой платок, большой нож и футлярчик для визитных карточек. Из него торчал листок бумаги, который я развернул и отдал констеблю. Женским нечетким почерком на листке было написано: «Буду там, можешь не сомневаться. Моды». Несомненно любовная интрижка, свидание, но когда и где, оставалось неизвестным. Констебль убрал листок в футлярчик, который вместе с ножом и платком вернул в карман плаща. Затем, поскольку делать там ничего не оставалось, я вернулся домой позавтракать, предварительно обеспечив исчерпывающий обыск подножия утесов.

Часа через два пришел Стэкхерст и сообщил мне, что тело доставлено в «Фронтон», где будет проведено дознание. У него были и некоторые другие важные новости. Как я и ожидал, в пещерках внизу обрыва ничего найдено не было, но он просмотрел бумажки в столе Макферсона, среди которых оказались интимные письма некой мисс Мод Беллами из Фулуорта. То есть мы теперь знали, кем была написана записка.

— Письма в полиции, — объяснил он, — и я не мог их принести. Но, без всяких сомнений, это не было простой интрижкой. Хотя я не нахожу никакой связи с ужасной трагедией, если не придраться к тому, что барышня назначила ему свидание.

— Но вряд ли у лагуны, куда вы все ходите купаться, — заметил я.

— Чистая случайность, что с Макферсоном не было студентов.

— Действительно ли случайность?

Стэкхерст сдвинул брови, задумавшись.